

разнообразие в пределах двусложных стоп (ямб, хорей, пиррихий и спондей в ямбе и в хорее), или уже в это время он усматривал в народной поэзии не только одни двусложные стопы, но и трехсложные и сочетание двусложных и трехсложных стоп.

Если Третьяковский имел в виду разнообразие двусложных стоп и только их находил в фольклорной версификации, то, может быть, в связи с этим ограничивался двусложными стопами и для литературного русского стиха. Если же допустить, что он в пору написания «Нового и краткого способа к сложению российских стихов» обнаруживал в народном стихе не только двусложные стопы, то тогда возникает еще одно предположение: поскольку он пока придавал народной поэзии значение образца версификации лишь в пределах двусложных размеров, остальные «стопы» народного стиха его в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» не интересовали (и в этом по-своему сказалась зависимость автора от силлабической версификации).

В обоих случаях сравнение названной и других работ Третьяковского показывает, что в 50-е годы в его «тонической» теории народного стиха и в применении этой теории происходят изменения, в связи с чем иное выражение получает у него и идея единства внутренней природы русской литературной и фольклорной версификации.

Естественно, сам по себе вопрос о том, какие стопы Третьяковский обнаруживал в разное время в народных песнях, едва ли может казаться существенным. Но дело в том, что материал, относящийся к этому вопросу, иллюстрирует, в ряду с другими фактами, зависимость суждений Третьяковского о народном стихе от общей эволюции филолога в теории и практике стихосложения в 30—60-е годы.

В 1752 году Третьяковский опубликовал новое руководство по версификации: «Способ к сложению российских стихов против выданного в 1735 году исправленный и дополненный». «Это было, — говорит о «Способе...» Б. В. Томашевский, — первое более или менее законченное изложение теории русского тонического стиха, так как она сложилась под совместным действием и взглядов Третьяковского, и взглядов Ломоносова, и отчасти Сумарокова».²⁶ Обнаруживая элементы полемики с Ломоносовым, названная работа, как известно, свидетельствовала о том, что в своей теории русского стиха Третьяковский «сдавал позиции» под воздействием системы стихосложения Ломоносова, восторжествовавшей и в теории, и в поэтической практике. Л. В. Пумпянский эта «образцо-

²⁶ Б. В. Томашевский. *Стилистика и стихосложение*. Учпедгиз, Л., 1959, стр. 347.